

Эдна Сент-Винсент Миллей
Женские напевы у кромки леса

Чем же стать мне — вещуньей, как и лгуньей, всё одно,
Коли крошка-эльф мне мать и нищ отец-монах чудно?
Коли первый шаг — на крест, в холодных водах люлька коль,
Чем же стать мне — нечистый, крестной дочерью быть дозволю?

Кто же станет другом в играх — уж с лягушкой, те вдвоём,
Что зачаты были в дреке, что трясин родил поём?
Что же станет песнью крестной, коли знал её алтарь,
Коль не Аве, коль не Кредос, да псалмы Псалтыри встарь?

Мокрый луг покажет, может, сети вам такие там,
Как мать-пикси вьёт малютке, вьёт своим родным пестам;
Полны трав морских, вам волны огонь такой откроют вспять,
Как вспыхает меж русалок, в их сети, за пядью пядь.

Всё ж не станет миру явлен отпрыск должный, культ мирской —
Плод любви жреца священной к эльфке в шали той с тоской;
Вы не зрели разом, как узреть удасться вам навряд,
Вещи те, какие знали средь пелён витой обряд!

После сказа были, после были дел, минувших вдаль,
Чем же стать мне — распутной да монашки мне вуаль?

Сквозь кусты попутно, каждый хмурый день посреде дождя,
Па ссекал, бывало, капли сходу, влажный стон не ждя;
С пылкой просьбой смерти мне, рожденья стоны мне не счесть,
С тратой чётков мямлил он, бывало, столь, сколь духу есть.

Так сидела Ма моя, поджав колени под главой,
Всё ему в лицо глядела, речь во взор вбирая свой,
То и дело ставя знак — во мху забавный краткий слог,
Кой стал бы ровно против всей мольбы, что он втолок!

Он учил меня святой молитве в Вечер, как в Зарю,
Он следил за Альфой греков, слушал, как Латынь дарю,
Он воздал хвалу крестом, чтоб душу мне от зла сберечь,
Только скрылся он из виду, к чёрту мы восслали речь!

О, все вещи, что не зрела, все те вещи, вряд под стать,
Что с плетнями, что со рвами, взрослой мне пока не стать,
Что с рывком на мать, что к отче, точно между двух огней,
Этим "Как тебе получше?", тем "Какой тебе верней?"

С ним как с сиром, с ней как с дамой, вместе — матка вклад царёк, —
Чем же стать, ведь собою, то есть чем себя нарёк?